

В ПОИСКАХ КОРНЕЙ

*Живи тоской и другом назови
Весенний день с апрельскими глазами,
И карточкой отцветшею порви
Лукавую предательницу – память.*

*Лидия Хаиндрова
Память. 1937. Харбин*

У каждого человека есть свой уголок – город, деревня, улица, где он родился. Это его маленькая Родина. Она начинается на пороге дома, где ты вырос, огромная и прекрасная. Родина всегда с тобой, где бы ты ни жил, и у каждого она одна.

Я не знаю, в какое время и в какие годы приходит к человеку зов прошлого, когда вдруг захочется увидеть места, где прошло детство, вспомнить то, что уже давно забыто. Со мной это произошло в один из обычных дней, когда душе стало тесно в городской квартире, и я, не зная зачем и почему, поехала в тот родной дом, уголок, где выросла, на Релочный переулок – улицу, с которой начался Благовещенск.

Остановившись у своего дома, я начинала осознавать, чем влечет меня это место, о котором остались столь яркие воспоминания. Я тоскую о своем детстве, и хочется возвратиться именно туда, хотя бы на минутку. Несмотря на свой солидный возраст, дом гордо стоял среди новостроек. Большой, из крепких бревен, с русской печкой и голландкой с коваными дверцами, он навсегда останется в моей памяти таким. И, оказавшись в родном доме через 30 лет, при встрече с ним у меня защемило сердце. Уже здесь жили другие люди, но ощущалось что-то неуловимо родное, которое уносило в далекое детство. Там еще маленькой девочкой я подолгу с интересом рассматривала портреты изящных дам в рамках на стене и словно попадала в иной мир – старый Благовещенск. Это были дедушкины сестры, которые сразу после революции ушли в Харбин.

«Где же эта страна – Харбин, в которой они живут? Наверное, очень далеко», – думала я, не осмеливаясь спросить у взрослых. И детское воображение рисовало картину той далекой неизвестной страны, где роскошные дамы прогуливаются с ажурными зонтиками летом по улицам в сопровождении галантных мужчин. Мои размышления прерывал бой курантов на стене, словно подводя итог размышлениям: «Часами измеряется время, а временем жизнь человеческая».

Я смотрю на фотографии с дарственными надписями и датами далеких лет. Они связывают в единое целое несколько поколений. Смотрю и пытаюсь воссоздать достоверную историю моей семьи. Ведь каким важным для любого человека, для его воспитания и дальнейшей духовной жизни является уважение к прошлому, к истории своей фамилии и рода. История моей семьи – это история страны и той доли, которая выпала на нашу многострадальную матушку-Русь. В разных библиотеках и архивах я собирала материалы, чтобы связать в одно стройное повествование драматические события, которые, развиваясь, определили место моей семьи в нашей истории. Изучая архивные документы, словно перелистывала страницы истории страны, ведь каждая строчка текста была написана самой жизнью. Историческую ценность этих сведений определит только время. Испытав взлеты и падения, успехи и

поражения, мои предки с первыми переселенцами обживали амурскую землю и сеяли хлеб, в глухой тайге искали золото и открывали прииски, в годы террора шли на расстрел и бежали в Харбин, но всегда и везде помнили и своей земле, о России.

История моей семьи связана с Харбином, где по воле судьбы оказались некоторые родственники. Сейчас, по прошествии сорока лет, я вспоминаю, как однажды нам в дом принесли зеленый конвертик. Это было письмо от дедушкиной племянницы из далекой Австралии, переехавшей туда из Харбина. Яркое содержание письма, написанного красивым слогом и почерком буквами старого русского алфавита, напоминало дарственные надписи старых фотографий в нашем доме и запомнилось мне навсегда. Это была весть оттуда – из XIX века. В 60-е годы такая переписка не приветствовалась, тем более в нашей репрессированной семье, и письмо осталось без ответа.

Шли годы. Взрослела я. Но всегда дома где-то рядом был «дух Харбина». Сколько за это время прочитано о нем книг, документов в архивах, с какими интересными людьми познакомил меня Харбин. Их письма-воспоминания о своем городе юности – не только рассказ о чьей-то судьбе, сложной, порой трагической, но и новая страница истории Харбина. Благодаря воспоминаниям харбинцев, никогда не сотрется из памяти людей этот город, потому что мы, другое поколение, передадим нашим детям ту любовь к Харбину, которую они передали нам.

Письма харбинцев. Какой добротой, теплом и любовью к жизни проникнуты они! Я читаю их, присланные из разных уголков России, Австралии, Польши, США, и восхищаюсь красотой языка в каждой строчке и начинаю понимать, какие прекрасные знания давали в харбинских учебных заведениях. В 1898-1916 г. на КВЖД насчитывалось 19 начальных школ для детей русских служащих. Расширялась система средних учебных заведений: открылись прогимназия, позднее гимназия им. Д.Л. Хорвата (1906-1935), смешанная гимназия В.Л. Андерса (1910-1927), классическая гимназия Я.И. Дризуля (1910-1937). В 1906 г. открылись мужское и женское коммерческие училища, где программа была построена по примеру Российского министерства финансов. В харбинских коммерческих училищах не было затруднения в наличии учебников. До 1917 г. книги из России поступали регулярно, а позже выпускались харбинскими издательствами. В декабре 1916 г. открылось первое Харбинское Русское Реальное Училище, где занятия велись по программе российских реальных училищ. Много внимания уделялось духовному воспитанию учащихся. В этом большая заслуга преподавателя закона Божия протоиерея отца Николая Вознесенского, который до революционных событий 1917 г. служил протоиереем в Кафедральном соборе нашего Благовещенска. В училище был драматический кружок, где ставились пьесы русских классиков, выступал школьный хор, в репертуаре которого были русские народные песни, и духовой оркестр. Стараниями и талантом российских ученых в 20-е годы в Маньчжурии было создано высшее юридическое учебное заведение, где успешно решалась задача сохранения русской юриспруденции и передачи русской правовой науки молодому поколению. Харбинский политехнический институт и другие высшие учебные заведения были на уровне университетов дореволюционной России. Сейчас об этом мы можем узнать лишь из воспоминаний их выпускников и немногочисленных архивных документов и книг.

В книгах-воспоминаниях харбинцев тоже много удивительного о русском воспитании и образовании в Харбине.

...На окраине Харбина, в Славянском городке, бывшим морским офицером К.И. Подольским и его супругой было начато великое дело – открылся «Русский Дом». Там воспитывались сотни русских детей, большинство из которых были круглые сироты. На стенах «Русского Дома» висели в окантовках различные изречения ученых, касающиеся нравственности: «Дисциплина и воспитанность прежде всего», «Родина ждет от каждого исполнения своего долга» (сигнал адмирала Нахимова перед Синопским боем). Кроме обычных, общеобразовательных дисциплин, в «Русском доме» преподавались ремесла и закладывались основы русского национального воспитания. Воспитанниками 4-го класса приюта-училища «Русский Дом» был издан журнал «Маяк». В нем – творчество русских детей, нашедших здесь национальную школу и приют от грозных жизненных бурь. Каждая строчка, написанная детской рукой, пронизана одним чувством – любовью к великой Родине. Вот стихотворение Б.Пулят «Пальма», под которой молодой автор подразумевает «Русский Дом»:

*Высоко на горячем утесе
Прегордая пальма растет,
И крепко она уцепилась
За жгучий сыпучий песок.
Ничто ее больше не сломит,
Корней не подроеет ей,
Своими плодами рождает
Больших патриотов-детей.
И будем мы ей благодарны,
И корни польем ей водой,
Не будем мы ждать здесь награды,
Наградой ее обовьем.
Мы были ея же плодами,
Но место оставим другим:
Мы будем бороться с врагами
И Пальму свою защитим.*

Передо мной книга Ирины Лобода «Харбиночка», в которой в форме увлекательных рассказов автор повествует о своей жизни и передает детские впечатления с высоты прожитых лет.

В книгах Людмилы Дземешкевич «Харбинцы» и «Харбинские были» – история ее семьи и воспоминания автора о годах харбинской юности: «Выросшие в православных церквях, на русской классике, мы любили играть в русские игры: «Гори, гори ясно, чтобы не погасло», «Бояре, а мы к вам пришли». Учась в школе на Таможенной улице в Харбине, самым радостным и любимым был урок пения. Пели самозабвенно: что ни урок – то концерт. Начинали с русского гимна, а потом – вся русская классика: «Однозвучно звенит колокольчик», «Марш славянки» и, конечно, «Тоска по Родине». С чувством пели, поощряемые блестящими из зала глазами родителей:

*Занесло тебя снегом, Россия,
Запурило седою пургой,
И печальные ветры степные
Панихиду поют над тобой.
Сколько нас на чужбине страдает,
Ах, забыл бы больную тоску.
Сердце плачет, но сердце все знает.
Ах, как хочется снова в Москву!*

Весь репертуар в школе был русский, классический, дореволюционный. Мы брали книги в библиотеке Бодиско, детский абонемент у нас был на две книги. Мгновенно прочла и «Повести Белкина», и «Кавказского пленника», и «Бедных людей», и все детства – Аксакова, Толстого, Гарина-Михайловского. Каждый день, отмеряя Харбин от Гондатьяевки до Таможенной, я повторяла наизусть всего «Евгения Онегина», «Мцыри», «Князя Курбского», «Сакья Муни», а вечером засыпала под «Приваловские миллионы», «В лесах и на горах», «Мертвый дом», который до глубокой ночи читала мама вслух, и в ночной тиши хорошо доносилось в нашу детскую комнату...

...Новосибирск. Встреча харбинцев через 95 лет. Когда подошли ко мне австралийцы с акцентом, которого не было у нас в Китае, в каком бы иностранном колледже или конvente мы не учились, я сказала им об этом, а в ответ услышала, что и мы переменились, и наша речь потускнела под сибирским акцентом. Мне не хотелось спрашивать у них объяснения, это сделали сами харбинцы-сибиряки, сказав задумчиво: «Должно быть, наша речь подернулась флером хамства...».

Каждый, кто был в Харбине, воспринимает его по-своему, но, приехав однажды, захочет снова и снова туда вернуться. Я люблю зимний Харбин, где все напоминает нашу русскую зиму.

Снегом засыпан тротуар. Мы идем с друзьями по вечернему городу в дом с русской печкой, самоваром, где нам всегда рады. Это – Русский Дом. Гостеприимный хозяин Николай Николаевич Заика радостно встречает нас. Все сидим на кухне, пьем чай. Хозяин с восторгом восклицает: «Как я рад, что снова слышу русскую речь!». Беседуем. А я тихо сижу в моем любимом уголке этого дома – кухне, и вспоминаю родной дом на Релочной моего Благовещенска. Я снова в своем детстве. Странная параллель.

*Занавеска надулась парусом
Над широким большим окном.
Словно вышиты пестрым гарусом
Этот солнечный сад и дом.
Падает солнце квадратами
Из окошка на чистый пол,
Легло золотыми заплатами
На накрытый для чая стол...*

*Нина Завадская
Картинка. 1942. Харбин.*

Однажды Николай Николаевич Заика, зная мое увлечение архитектурным наследием старого Харбина, решил показать мне город своей юности. Словно соперничая друг с другом в красоте, выстроились в ряд особняки: Скидельских, Ковальского, Джигелло-Сокко, Меевичча, недалеко от них – Чистякова. А вот знакомый по фотографиям во многих изданиях «Русско-Китайский банк». Сворачиваем налево, на другую улицу. «Тебе эта улица ничего не напоминает?» – спрашивает Николай Николаевич. – «Питер!» – сразу отвечаю я, остолбенев от неожиданного сходства. – «Подойди вон к тому дому, тебе это будет интересно», – говорит мой проводник, указывая на высокий кирпичный дом в несколько этажей старой постройки на противоположной стороне улицы. От неожиданности увиденного стою как вкопанная. На кирпичной кладке крупными русскими буквами высечено слово «Почта». «Это улица Почтовая», – говорит Н.Н.Заика. Но я молчу, мысленно не соглашаясь с ним, потому что эта улица вызывает у меня другую ассоциацию. «Большая Морская», – говорю я про себя, ибо мои семейные корни берут верх. И вижу Питер – родину прадеда.

Россия. Петербург. Нева.

Как ни зови их, смысл все тот же.

Душа забудет все слова,

Но этих позабыть не сможет.

Сергей Сергин

Заветные слова. Харбин

Есть места, примечательные не только красотами природы. Мы называем их, и перед глазами возникают определенные картины. Мы говорим «Харбинский Арбат», называя так Китайскую улицу, и представляем, как здесь в далеком 1936 в отеле «Модерн» жил великий Шаляпин и выступал Вертинский. Тот год подарил встречу с двумя великими певцами.

6 января 1936 г. на гастроли прибыл Александр Николаевич Вертинский. Театральный Харбин за три недели гастролей артиста только и жил его выступлениями. Тема далекой родины в творчестве певца привлекала на его концерты харбинскую публику. «Во всех уголках мира я пел по-русски и для русских. Мое творчество родилось из любви к русскому языку, в котором чувствую и пою не только каждое слово, но и каждую букву. Я буквально ощущаю каждое слово на вкус. В этом основа и исток моего искусства». Уезжая из Китая, Вертинский сказал: «Харбин поразил меня встречей со многими старыми друзьями. Я искренне поздравляю харбинцев, что они получают возможность послушать в скором времени Федора Шаляпина, личная дружба с которым является самой большой радостью в жизни...».

Март 1936. Русский Харбин находится в нетерпеливом ожидании увидеть и услышать Шаляпина. Дав два аншлаговых концерта в Шанхае, певец уезжает в Харбин. Но по дороге простывает, и голос его начинает хрипеть. Из-за сильного трахеита концерты переносятся. Харбинцы нетерпеливо интересуются новостями о самочувствии певца. Наконец в понедельник, 16 марта, состоялся первый концерта Шаляпина в театре «Америкен». Все билеты были распроданы заранее. Перед началом концерта Федор Иванович произнес: «Мне до боли и слез радостно сознавать, что я сейчас выступаю перед родной аудиторией, так напоминающей старые добрые милые российские времена». Увы, Шаляпину оставалось жить менее двух лет. 12 апреля 1938 г. гениального певца не стало. В Харбине был выпущен траурный

номер журнала, целиком посвященный памяти русского артиста. Прах Шаляпина перевезут из Франции в Москву в 1984 году.

Ноябрь 2006. Я стою у могилы Великого сына России, Федора Шаляпина, на Новодевичьем кладбище. Здесь же недалеко покоится А.Вертинский. Тихо падает снег. А мне вспоминается зимний Харбин. На ум приходят прощальные слова Сергея Рахманинова о своем друге Шаляпине: «Умер только тот, кто позабыт». Эти слова любимого композитора вспоминаю всегда, бывая в самом святом месте Харбина. На грустные мысли наводят они. Когда-то Харбин был городом красивым и богатым. И населяла его дружная семья русских, украинцев, поляков, евреев, армян. Здесь жили известные строители КВЖД, купцы, промышленники, врачи, горные инженеры, архитекторы, деятели науки и искусства, офицеры царской армии. И в конце жизненного пути их почетом провожали харбинцы на кладбища, которые, как зеркало, отражали историю их города.

Я смотрю фотоальбом Татьяны Жилевич, выпущенный ею в Мельбурне, где помещены работы ее отца, Виталия Мирошниченко, профессионального фотографа Харбина «В память усопшим...» и, проводя параллель с судьбой старого погоста моего родного Благовещенска, сетую на судьбу русских кладбищ Харбина.

Я иду по разоренному русскому кладбищу, ныне Харбинскому парку развлечений, купив яркий входной билет с видами аттракционов, чтобы поклониться праху соотечественников. Может, здесь покоится кто-то из моих родных? Горячо ступать ногам по скрытым под снегом могильным плитам. Весна оголила часть тротуарной дорожки, когда-то бывшей чьей-то могильной плитой. Я пытаюсь руками снова и снова очистить от снега стертые от времени надгробные надписи. «Спи спокойно, дорогая...» – и больше ничего. Мне становится больно и стыдно, потому что понимаю, здесь лежит та частичка России, которую мы потеряли, и снова вспоминаются слова великого Рахманинова.

Пусть из десятилетия в десятилетие тянется в далекое будущее негасимая нить памяти обо всех харбинцах – людях с сильным характером и сложной судьбой.

P.S.: Я возвращаюсь вечерним поездом домой. Соседи по купе оживленно обсуждают покупки и развлечения. А я читаю «Неизвестный Харбин» Елены Таскиной и думаю о том, что корни Харбина идут из России, а значит, и мои тоже, а еще о том, что узнать город можно, лишь полюбив его.

Татьяна Золотарева

СКАЗКИ АВСТРАЛИЙСКОЙ БАБУШКИ ДЛЯ БЛАГОВЕЩЕНСКИХ ДЕТЕЙ

На другом конце света, далеко-далеко, там, где наступает лето, когда у нас зима, – в Австралии, жила наша бывшая соотечественница, бывшая благовещенка – Татьяна Ивановна Золотарева. Впрочем, слово «бывшая» здесь не совсем подходит: она была самая что ни на есть настоящая благовещенка, потому что любила наш город всей душой. Только любила она не совсем тот Благовещенск, к которому привыкли мы: шумный, обустроенный на новый лад, немного дерзкий, как все современные города. Бережно хранимый в ее памяти, он